

ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕРНИГОВА

В статье анализируются археологические материалы и гипотезы, связанные с возможностью существования нескольких поселений или городищ на территории Чернигова Х в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: археологические исследования, Чернигов, Х в.

Археологическое изучение Чернигова началось в конце XIX в. Не повторяя всем известные факты о раскопках курганов, несколько слов следует сказать о дореволюционном периоде исследований городской территории. Археологические наблюдения и раскопки культурного слоя на этом этапе следовали за разрушениями памятников архитектуры Детинца — в результате в печати появлялись отдельные сведения археологического характера. Предпринимавшиеся после разрушения памятников работы проводились недостаточно квалифицированно и на небольшой площади. Недостаток опыта при раскопках культурного слоя и содержащихся в нем объектов отразился в текстах опубликованных отчетов. В целом, такое состояние дел было характерным для многих древнерусских городов за редким исключением, когда раскопки проводились людьми, имеющими архитектурное образование.

Исследования послереволюционного периода были единичны. В 1923 г. Н.Е. Макаренко были проведены первые ширококомасштабные работы, целью которых было изучение построек вокруг Спасского собора. В процессе исследований открыты кладки усыпальниц (с севера и юга от апсид храма), зафиксированы остатки кладок галерей, которые вели от усыпальниц в западном направлении, и изучена кладка под

южной башней, которая в процессе работ была определена как «крещальня».

Внутри собора была произведена шурфовка, позволившая выяснить ряд вопросов строительства и существования храма [Макаренко, 1929, с. 25]. При исследовании в 1923 г. на уровне материка в южной усыпальнице были зафиксированы пятна хозяйственных построек, предшествовавших строительству храма. К работам в Спасском соборе привлекались сотрудники Черниговского музея, которые в процессе исследований получали новые навыки проведения археологических работ. Результаты исследований Чернигова были опубликованы в сборнике «Чернігів і Північне Лівобережжя...», вышедшем под редакцией М.С. Грушевского в 1928 г. Следует констатировать, что первые ширококомасштабные работы на черниговском Детинце были проведены на достаточно высоком методологическом уровне и детально опубликованы.

Вторая мировая война изменила отношение к истории своей страны. Выделение средств на обследование состояния архитектурных памятников и определение урона, нанесенного в период ведения боевых действий, позволило начать археологические исследования на территории Чернигова. Новый этап изучения Детинца начинается в 1946 г. с раскопок Б.А. Рыбакова. Основные работы были проведены на месте раскопок 1878 и 1909 гг. в восточной части Детинца. Существовавшие вдоль улицы здания сгорели в годы войны, в результате представилась возможность исследовать остатки Благовещенского храма широкой площадью. Кроме исследований собора, одной из задач экспедиции был поиск места расположения княжеского двора и находившейся на

его территории Михайловской церкви, упомянутой в летописи под 1174 г. К работам были привлечены и местные научные кадры. В ходе этих работ были подготовлены отчет А.А. Попко, в котором описаны памятники Чернигова, и заметки Ю.А. Виноградского, посвященные Чернигову [Попко, 1947, с. 1—10, Ясновська, Коваленко, 2006, с. 167—171]. Для поиска Михайловской церкви был заложен раскоп 10 × 10 м в 100 м («52 саженьях» плана XVIII в.) к востоку от Спасского собора. Раскоп был выкопан до глубины 1,0 м (до уровня строительных материалов начала XIX в.), а по трассе водопровода, проходившего рядом с раскопом была произведена зачистка до уровня материка (1,8 м от уровня дневной поверхности 1946 г.). В слое строительства начала XIX в. встречались обломки плинфы и цемянка XII в. Появившийся на раскопе черниговский археолог А.А. Попко сообщил, что в 1941 г. он видел кладку XI—XII вв. в 15 м к югу от заложеного раскопа. После этого работы были перенесены вплотную к зданию бывшей школы. В новом месте обнаружился перекопы XX в. и в них найдены «...три фрагмента кирпича XII в.» [Рыбаков, 1946, с. 5] Таким образом, с одной стороны, сведения черниговских краеведов помогали столичным специалистам ориентироваться в топографии города, а с другой — вносили путаницу и сбивали с проведения планомерных исследований.

В сезоне 1947 г. планировалось возобновить работы на раскопе 1946 г. и заложить еще один раскоп к северу от него. Отсутствие отчета о раскопках 1947 г. не позволяет прояснить данный вопрос. Существует только упоминание о раскопках и шурфовке Б.А. Рыбакова в 1947 г. в восточной части Детинца (поиски Михайловской церкви).

Основной организацией финансирующей работы являлся Институт археологии Академии наук Украины, поэтому появление в Чернигове в следующем полевом сезоне киевских археологов было закономерным. В 1947 г. на Детинце работали сразу две экспедиции — Московская (руководитель Б.А. Рыбаков) и Киевская (руководитель В.А. Богусевич). Б.А. Рыбаков продолжал исследования Благовещенского собора и поиски Михайловской церкви. Вероятно, раскоп 1946 г. был докопан в 1947 г. Известно только, что поиски Михайловской церкви результатов не принесли [Рыбаков, 1949, с. 7—92].

При публикации материалов исследований Чернигова Б.А. Рыбаков особо отметил, что в 1947 г. на территории Детинца и Третьяка экспедиция Института археологии Украины работала самостоятельно: в определенном смысле возникла конкуренция между московскими и киевскими исследователями. Возросла активность в поисках археологических материалов и изучения исторической топографии древне-

русского Чернигова. В свою очередь, В.А. Богусевич написал в отчете: «Вследствие полной неизученности исторической топографии Чернигова и неизвестности археологической стратиграфии территории ...пришлось применить раскопную методику разведочного характера». [Богусевич, 1947, с. 2]. В.А. Богусевичем в 1947 г. разбиты 13 раскопов размерами 4 × 4 м, из них в северной части Детинца были заложены два раскопа.

Перед закладкой раскопов были обследованы окопы военного времени, расположенные около здания бывшей школы, на расстоянии от 100 до 200 м к востоку от Спасского собора. Во время зачисток окопов было выявлено большое количество погребений, зафиксированных на глубине от 1,0 до 1,5 м, и высказано мнение, что погребения относятся к позднесредневековой Михайловской церкви, нанесенной на планы Чернигова XVIII в. В раскопе 1, ориентированном стенками по сторонам света, было выявлено 2 погребения, совершенных по христианскому обряду (оба на глубине 1,9 м). Кроме погребений, никаких других объектов в тексте описано не было, материк находился на глубине 2,5 м.

Сохранившаяся полевая документация фиксирует, что раскоп, имевший на уровне дневной поверхности размеры 4 × 4 м, в процессе работ сужался. Вдоль стен оставались нераскопанные участки, которые облегчали выброс грунта из нижних участков раскопа. Таким образом, раскоп по уровню материка мог иметь размеры 2 × 2 м. Следует подробнее остановиться на результатах первых полевых исследований 1947 г. В.А. Богусевича на этом участке. В тексте отчета на страницах 6—7 написано: «Погребения, обнаруженные в раскопе 1, не могут, по-видимому, быть отнесены к дохристианским курганным. Они слишком близко расположены друг от друга. Скорее всего, их следует датировать XII в.». Автор далее указал на отсутствие построек и ям и отметил находку в раскопе фрагментов амфор, а в нижней части культурного слоя и чернолощеной амфорной ручки и фрагмента лепного сосуда с большим количеством шамота в тесте. О раскопе 2 в тексте не сказано ни одного слова. В тоже время, в тексте отчёта об итогах исследований указано: «Отсутствие остатков жилых и хозяйственных сооружений и наличие следов **трупосо- жжения** на территории в 100 м к востоку от Спасского собора вызывает предположение о наличии здесь дохристианского могильника, существовавшего до времени постройки Спасского собора» [Богусевич, 1947, с. 19]. Далее автор пытается привязать топоним «Могилки», существовавший в XIX в., к ситуации, имевшей место в древнерусское время. Данный топоним, без сомнения, относится к многочисленным (выявленным во время зачистки 1947 г. окопов военного времени) позднесредневековым

погребениям, расположенным как на Детинце, так и к северу от него.

В публикации результатов работ 1947 и 1949 гг. В.А. Богусевич писал: «Археологическими работами 1947 г. ... на відстані 200 м від Спаського собору на глибині близько 3 м від денної поверхні, були виявлені залишки давнього тілоспалення... Таким чином, на тому місці, де стоїть Спаський і Борисоглібський собори, до побудови Спаського собору був дохристиянський могильник. Отже аналізуючи ситуацію приходимо до думки, що чернігівський Дитинець, якщо він знаходився на р. Стрижень, до початку XI ст. займав невелику площу» [Богусевич, 1951, с. 116—126].

Неописанное в тексте отчета трупосожжение ставит ряд вопросов. Во-первых, существовало ли трупосожжение в раскопе? Вероятно, да. Было ли оно древнерусским? При ответе на этот вопрос следует учитывать тот факт, что, как правило, погребения удалены от жилой застройки. Так, анализируя противоречивость археологического контекста находки трупосожжения на этой территории, В.П. Коваленко на картах развития города нанес погребение сразу на два плана — первого (VI — первая половина IX вв.) и второго этапов (вторая половина IX—X вв.) [Коваленко, 1988, с. 25].

Как вариант разрешения данного вопроса можно предложить следующее решение. Согласно материалам археологических исследований конца XX — начала XXI вв., на этой территории в X в. существовала городская застройка, что исключает возможность появления здесь погребения. Вероятно, ответ кроется в датировке погребения: в нижнем слое раскопа были выявлены фрагмент чернолощеного сосуда и фрагменты лепного горшка. Можно предположить, что погребение относится к более раннему времени (например, к зарубинецкой или киевской культурам).

В публикациях В.А. Богусевича был поставлен вопрос о наличии на территории Детинца курганного могильника и фактическом несоответствии размеров города и той роли, которую он играл в ранней истории Руси. Следует отметить, что площадь раскопов В.А. Богусевича была небольшой, но они охватывали различные участки городской территории: Детинец, Третьяк, у Елецкого монастыря, Подол. В то же время Б.А. Рыбаков ограничился исследованиями лишь в восточной части Детинца.

Несколько слов нужно сказать об отчете А.А. Попко 1947 г. «Археологические памятники по р. Десне в районе г. Чернигова». В нем на страницах 5 и 6 имеется описание городища, расположенного на Елецкой горе. Характеризуя городище, автор указывает на его треугольную форму, образованную краем террасы р. Десна и двумя рвами. Такое описание позволяет утверждать, что под городищем имеется в виду территория Елецкого монастыря в

пределах его кирпичных стен XVIII в. По тексту: «В настоящее время городище имеет две площадки. Первая площадка занимает северо-восточную его часть и имеет в длину 245 м и в ширину 150 м. Поверхность ее ровная, слегка покатая к западу; высота над поймой реки до 15 м. Вторая площадка занимает западную его часть и имеет в длину 70 м и в ширину 50 м. Поверхность ее ровная, покатая с запада на восток и лежит на 5 м ниже поверхности первой площадки. Оборонительные сооружения городища состояли из валов и рвов, частично сохранившихся лишь в северо-восточной части. ... При современном состоянии судить об их точных размерах очень трудно. ... Ширина вала по сохранившимся остаткам еще и сейчас доходит до 5 м, а рва — до 6—8 м. ... На первой площадке... встречаются строительные остатки XI—XII вв. Керамика частью лепная и частью круговая. Наиболее архаичная керамика встречается в восточной части города, что позволяет сделать вывод о том, что первоначальное городище занимало форму неправильного овала, вытянутого с запада на восток, длиной до 70 м и шириной до 50 м, потом расширилось в сторону плато и постепенно заняло сперва первую, более возвышенную площадку, потом вторую площадку, т. е. всю площадь холма». Из описания становится понятно, что А.А. Попко видел только остатки вала в районе кирпичной стены, ограждавшей монастырь. По нашему мнению, выделение двух площадок связано с перепадом уровня дневной поверхности, при котором площадка на стрелке мыса лежит на 5 м ниже остальной площади монастыря. Назвать эту площадку более ранним городищем не получается даже в теории. Тогда А.А. Попко использует находки лепной керамики в восточной части трапециевидной в плане и большей (245 × 150 м) по размерам площадки для выделения первоначального городища овальной в плане формы размерами 70 × 50 м. При этом никаких укреплений зафиксировано не было. А.А. Попко, вероятно, имел в виду площадь распространения лепной керамики.

В.А. Богусевич, анализируя материалы собственных исследований и наблюдений А.А. Попко, предложил гипотезу о существовании на Елецкой горе поселения, предшествовавшего появлению города, и наличии в IX—X вв. на этом месте княжеского замка, рядом с которым был построен крупнейший древнерусский курган — Черная Могила.

При этом В.А. Богусевичу во время раскопок 1949 и 1951 гг., проведенных на стрелке Елецкого холма, удалось выявить лепную керамику, датированную, по его мнению, VII—VIII вв., и круговую IX—X вв., а также керамику более позднего времени. В раскопах фиксировалось повреждение культурных слоев многочисленными поздними захоронениями, которые разрушили древние строительные и хозяйс-

твенные комплексы и смешали материал [Богусевич, 1955, с. 5—11].

Таким образом, наличие лепной керамики (в датировке которой исследователь еще сомневался) на территории Елецкой горы позволило В.А. Богусевичу предложить альтернативное место расположения первоначального городища. Находка недостаточно детально зафиксированного трупосожжения на Детинце привела к появлению гипотезы о княжеском замке, существовавшем до начала XI в. в восточной части Елецкого участка террасы.

Б.А. Рыбаков при написании работы «Древности Чернигова» вынужден был учитывать факт выявления кремации на территории Детинца. Проанализировав планы Черниговской крепости, Борис Александрович пришел к умозрительному выводу, что поперек крепости проходила материковая «ступенька», разделявшая Детинец на две террасы различной высоты. «Возможно, что это отражает разные этапы в исторической жизни города. Более высокая южная терраса соответствует древнейшему детинцу XI в.; ее организующим элементом является Спасский собор. По гребню ступеньки мог проходить вал.

Вторая, северная, терраса, могла быть прирезана (судя по данным раскопок) несколько позднее в XII в.» [Рыбаков, 1949, с. 60].

Измерение уровня дневной поверхности памятника и геодезическая съемка плана Детинца не были подкреплены археологическими исследованиями. С точки зрения развития археологического комплекса, такое расширение территории вглубь террасы со славозащищенным восточным флангом выглядит по меньшей степени нелогичным. Исследования 2006 г. в восточной части Детинца опровергли это предположение. Тем не менее, деление территории Детинца на две составные части и сегодня продолжает появляться на археологических картах и в описаниях Чернигова [Моця, Казаков, 2011, с. 22, 51—52].

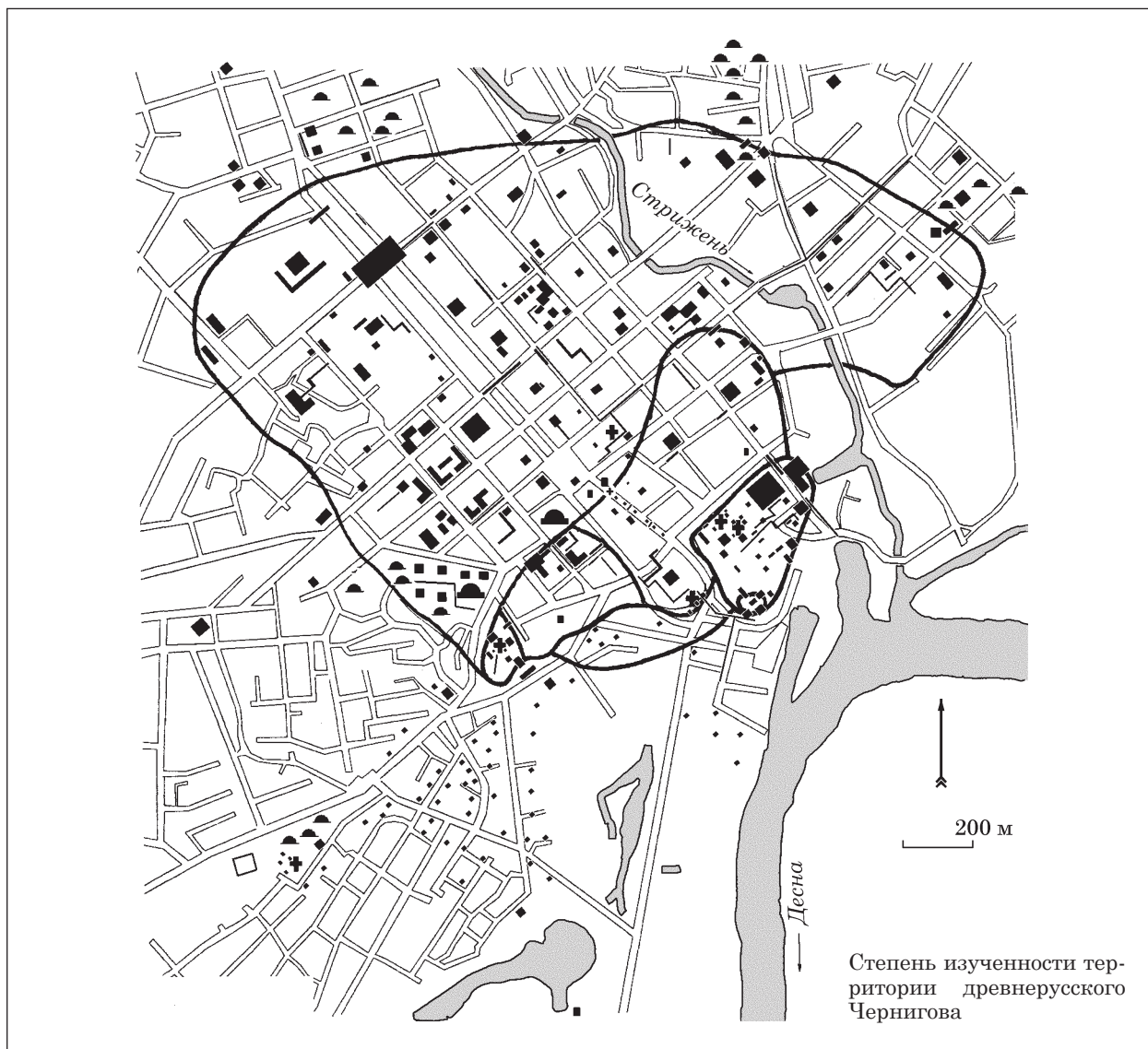
Следует также остановиться на поселениях, предшествовавших Чернигову. На территории города и в его окрестностях довольно много памятников киевской культуры (III—V вв. н. э.). На исследованных широких площадях поселений удается выделять горизонты и других культур (колочинской, волынцевской) славянского времени [Поселення ..., 2015, с. 102—104]. Однако жилища волынцевской культуры (поселення Александровка, Роище, Шестовица), по мнению Р.В. Терпиловского, гибнут в середине VIII в. А. В. Комар относит гибель славянских жилищ в Шестовице к началу IX в. [Комар, 2012, с. 347]. На территории Чернигова древности роменской культуры представлены керамикой с «гусеничным» орнаментом, происходящей из слоев и участков, заселенных в X — начале XI вв. Между древностями волынцевской и древнерусской культур, **по нашему**

мнению, в Чернигове на данном этапе исследований существует хронологический разрыв. Городские слои в значительной степени перекопаны в X—XX вв. и выявить комплексы объектов, сменявших непрерывно друг друга весь IX в., пока не удастся. Наличие древнерусских материалов конца IX в. не вызывает сомнений, но существует проблема их узкой датировки. Под валом Детинца исследованном в 2006 г. (расположен на расстоянии около 400 м от Цитадели), были выявлены постройки и ямы первой половины X в. и зафиксирована распашка ралом, задевшая верхний слой материка. Следы распашки выявлены в раскопах 1985—1987 и 2006—2008 гг., при этом исследователи отмечали различные направления многолетней работы ралом.

С 80-х гг. XX в. в Чернигове в связи со значительным ростом объема строительства активизировались охраняемые археологические исследования. В ходе этих работ в различных частях города было вскрыты значительные по площади участки древней территории, исследованы остатки оборонительных сооружений, сотни жилищ и хозяйственных построек, разновременных погребений, обнаружены остатки неизвестных ранее монументальных построек и т. д. Это позволило В.П. Коваленко предложить свое видение процессов зарождения и развития города в домонгольское время [Коваленко, 1988, с. 22—33].

Существующие участки культурного слоя конца IX — начала XI вв. расположены на краю террас р. Десны и р. Стрижень, а также в деснинской пойме. Несмотря на широкомасштабные исследования территории древнерусского Чернигова, основные работы велись на посадах XI — середины XIII вв. (рисунок). Древнейшие участки культурного слоя изучались меньше. Однако вскрытая на Детинце площадь в процентном отношении превышает аналогичные участки во многих древнерусских городах. В ходе работ 1984—1987 гг. на Детинце Чернигова В.П. Коваленко вскрыл до 2000 м² культурного слоя толщиной до 3 м. Результатом исследований стало несколько статей и отчетов, посвященных участку площадью 400 м². В 2005—2008 гг. в северо-восточной части Детинца работами Е.Е. Черненко и А.Л. Казакова вскрыто два участка: первый — непосредственно возле раскопов В.П. Коваленко (не менее 1800 м²), второй — с юга от раскопок Б.А. Рыбакова, исследовавшего Благовещенский собор — через дорогу от первого участка (1200 м²). Итогом этих работ стали статья и раздел в книге [Моця, Казаков, 2011, с. 50—89]. В целом, в северо-восточной части Детинца работами 1946—2010 гг. вскрыто 1/3 сохранившейся территории княжеского двора XII—XIII вв. (по сведениям А.Л. Казакова на Детинце вскрыто около 14000 м²).

Древнейшие городские слои зафиксированы на территории Третьяка, Елецкого монастыря

и Подола. В перспективе такие участки слоя могут быть выявлены вдоль дорог на Новгород-Северский (по краю террасы), Любеч и Киев. Все эти участки в древности были довольно плотно застроены. В качестве примера можно привести выявление в небольшом раскопе (по ул. Белинского) сразу 2 жилищ X в., котлован верхнего из них был врезан в котлован нижнего [Шекун, Кузнецов, 1984, с. 343].

Во время охранных наблюдений и запланированных раскопок на территории Чернигова постепенно накапливались сведения о новых объектах оборонительного характера, часть из которых была упомянута в различных изданиях [Мезенцев, 1980, с. 55—58, Моця, Казаков, 2011, с. 102—107, Новик, Ситий, 2008, с. 80—83], а часть описана только в отчетах.

Материалы этих работ, довольно часто опубликованных небольшими тиражами, после ослабления межгосударственных связей стали малодоступными для исследователей. В результате среди специалистов сложилось мнение, что археологические исследования Чер-

нигова не дают ничего нового. К.А. Михайлов в 2012 г. опубликовал статью, посвященную сравнительной топографии первых древнерусских городских центров, где указал: «Черниговские исследователи до сих пор повторяют выводы о топографии города, высказанные в работах Б.А. Рыбакова» [Михайлов, 2012, с. 14—15]. Автор отметил лишь исследования А.В. Шекун на Подоле, позволяющие ознакомиться с черниговскими материалами X в. По нашему мнению, проблема состоит не в отсутствии материала, а в темпах его ввода в научный оборот.

На размеры города X в. указывают его укрепления [Сытый, 2014, с. 193—201]. Четвертая оборонительная линия начиналась в Елецком монастыре на краю террасы р. Десна, проходила в районе апсиды Успенского собора, фиксировалась в районе современной ул. Кирпоноса, просп. Мира, в начале ул. Мстиславской, на пересечении ул. Родимцева и Горького и шла далее к краю террасы р. Стрижень. Укрепления четвертой линии, вероятно, имели продол-

жение на Подоле, где они были зафиксированы под укреплениями Цитадели. Общая укрепленная площадь Чернигова в X в. составила 67 га. Следует учесть, что по краям террасы и в пойме могли быть участки открытых посадок. Такая значительная площадь и наличие 4, а если считать вал на Подоле как отдельное оборонительное укрепление, то 5 линий укреплений города представляют уникальное явление для древнерусских территорий X в.

За пределами четвертой линии укреплений на месте строительства здания банка (ул. Горького, 17) удалось собрать роменскую керамику, которая, вероятно, происходит из разрушенного жилища. Данное жилище находилось за пределами укрепленной части города и располагалось в 190 м вглубь от края террасы р. Стрижень. Следует отметить, что широко-масштабные исследования вдоль края террасы р. Стрижень подобных объектов не выявили. Расположение в глубине террасы отдельного жилища могло быть обусловлено проходящей рядом дорогой, которая вела из города в ради-мичи. Одинокое жилище (если оно вообще существовало) находилось вне пределов четвертой линии укреплений.

Возвращаясь к вопросу существования на Елецкой горе «первоначального городища или замка X в.», следует указать, что до основания монастыря эта территория была разделена на 2 части в том, выявленным возле апсиды Успенского собора. Юго-восточная часть будущей территории монастыря относилась к застройке, а северо-западная — к буферной зоне, расположенной между жилой зоной и ближайшими курганами. По мнению А.В. Комара, роменские материалы, происходящие с Елецкой горы, указывают на наличие роменского поселения (посада). В данном случае такое поселение попадало в состав укрепленной городской территории. Можно ли утверждать по находкам нескольких ям с небольшим количеством роменской керамики о наличии целого посада?

При анализе расположения укреплений и выявленных в раскопах на посаде XI—XIII вв. остатков курганных насыпей автору удалось рассчитать минимальное расстояние, на котором располагались курганы от городских стен. В ряде случаев удалось получить цифру в 197—217 м [Ситий, 2013, с. 102]. Для совершения погребений существовали правила, которые были нарушены только при сооружении крупнейшего кургана Чернигова — Черной Могилы. В местах исследований на таком расстоянии от северной (четвертой) линии укреплений можно ожидать выявления погребальных комплексов, предшествовавших застройке более позднего посада.

Анализ расположения зафиксированных на посаде курганных древностей привел к появлению двух взглядов на их структуру и расположение. А.В. Шекун выделил несколько групп

курганов, а по нашему мнению выявленные курганы относятся к обширному курганному полю — курганный могильник полукругом охватывал территорию города X — начала XI вв. Когда А.В. Шекун выделял отдельные курганные группы, степень изученности территории была несколько ниже. С увеличением количества известных курганов стало очевидно, что мы имеем дело с огромным курганным полем, не разделенным на группы природным рельефом местности. К группам с оговорками могут быть отнесены только курганы, расположенные вдоль выходящих из города дорог. Но в новейшую литературу уже попало представление о курганном некрополе как о локальных группах, сформировавшихся по непонятным причинам [Комар, 2012, с. 339].

Если небольшой комплекс памятников у с. Зеленый Гай под Сумами насчитывает свыше 2000 насыпей, вытянутых вдоль края и по склону террасы р. Псел на расстоянии около 1,5 км, то население Чернигова вполне могло оставить курганный могильник не меньших размеров. Для сравнения следует указать, что курганы Киева вытянуты вдоль террасы р. Днепр более чем на 4 км. Расстояние от кургана Гульбище в Чернигове до курганов «Старого кладбища в Березках» составляет около 3 км (с разрывом на пойму р. Стрижень не менее 0,6 км).

Разделив курганный могильник на отдельные локальные группы нужно объяснить, почему в отрыве от расположенных за стенами города курганов возникает Стриженская группа, сохранившаяся за укреплениями Передгородья. Рост некрополя и отсутствие места для насыпки курганов вынуждали жителей совершать подкурганные погребения все дальше и дальше на север от центра города. В процессе расширения городская застройка уничтожила основную массу курганов до линии укреплений Предградья.

Как отмечено выше, курганный некрополь Чернигова включал огромное курганное поле, полукольцом охватывавшее территорию города, и группы вдоль дорог, которые вели из него. К последним однозначно можно отнести только «Старое кладбище в Березках». Данная группа начиналась еще на территории Предградья (район Пяти углов), поднималась по склону высокой террасы (район кладбища) и продолжалась в северном направлении (в район школы для слабовидящих детей).

В литературе периодически появляются мнения, что курганы возле Троицкого монастыря или на «Старом кладбище в Березках» якобы не относятся к Чернигову. На наш взгляд, курганы «Гульбище», «Безымянный», камерное погребение «Старого кладбища в Березках» могут принадлежать только могильникам раннегородских центров, в данном случае — Чернигова.

На территории Черниговщины до р. Снов в X в. возникают городища и поселения с круговой древнерусской керамикой, к востоку от р. Снов практически до конца X в. существовали городища роменской культуры. Антропологические исследования останков жителей древнего Чернигова указывают на близость женских черепов и черепов происходящих с роменских могильников, а мужских — с сериями черепов с Правобережья Днепра [Долженко, 2011, с. 68]. Вероятно, такая антропологическая картина сложилась в результате вооруженного захвата части территории Левобережья Днепра и переселения мужского населения с Правобережья. Это произошло до появления орнамента «гусеничка» на роменской керамике. Классическая роменская керамика с «гусеничкой» выявлена на памятниках к востоку р. Снов или в незначительном количестве в культурном слое Чернигова древнерусского времени. При этом в нижнем течении р. Десна памятники волынцевской культуры присутствуют, в отличие от памятников роменской культуры. На наш взгляд, нет оснований рассматривать возникновение Чернигова как результат слияния нескольких укрепленных пунктов. Чернигов с конца IX в. формируется как древнерусский раннегородской центр, расположенный у границы с территорией Северян.

Богусевич В.А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР. — К., 1955. — Т. 5. — С. 5—11.

Богусевич В.А. Про топографію древнього Чернігова // Археологія. — К., 1951. — Т. 5. — С. 116—126.

Богусевич В.А. Черниговская археологическая экспедиция 1947 г. / НА ИА НАН Украины. — 1947/20.

Долженко Ю.В. Населення Чернігівського літописного Передгороддя XI—XIII ст. за краніологічними даними // Археологія. — 2011. — № 2. — С. 53—72.

Поселення і ґрунтовий могильник Логи // Звід пам'яток історії та культури України. Чернігівська область. — Чернігів, 2015. — Вип. 1: Чернігівський район. — С. 102—104.

Коваленко В.П. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. — К., 1988. — С. 22—33.

Комар А.В. Чернигов и нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. — Москва; Вологда, 2012. — С. 339—347.

Макаренко М.О. Чернігівський Спас. Археологічні дослідження року 1923. — К., 1929. — 90 с.

Мезенцев В.І. Про формування міської території давнього Чернігова // Археологія. — 1980. — Вип. 34. — С. 53—64.

Михайлов К.А. Сравнительная топографии первых древнерусских городских центров IX—X вв. // Северная Русь и проблемы формирования Древнерус-

ского государства: Сб. материалов междунар. науч. конф. — Вологда, 2012. — С. 14—15.

Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. — К., 2011. — 316 с.

Новик Т.Г., Ситий Ю.М. Дослідження проїзду в оборонному валу Чернігівського Третяка // Чернігівські старожитності. — Чернігів, 2008. — С. 80—83.

Попко А.А. Археологические памятники по р. Десне в районе г. Чернигова / НА ИА НАН Украины. — 1947/20а.

Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. — 1949. — № 11. — С. 7—92.

Рыбаков Б.А. Раскопки в Черниговском детинце в 1946 году / НА ИА НАН Украины. — 1946/26.

Ситий Ю.М. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Чернігова. — Чернігів, 2013. — 272 с.

Сытый Ю.Н. Укрепления древнерусского Чернигова // Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура. — Москва; Вологда, 2014. — С. 193—201.

Шекун А.В., Кузнецов Г.А. Работы в Чернигове // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 343.

Ясновська Л.В., Коваленко О.Б. Неопублікована студія Юрія Виноградського про давньоруські старожитності Чернігова // Скарбниця української культури. — Чернігів, 2006. — Вип. 7. — С. 167—171.

Ю. М. С и т и й

ПИТАННЯ РАННЬОЇ ІСТОРІЇ ЧЕРНІГОВА

Матеріали досліджень 1947 р. на Детинці Чернігова породили низку домислів щодо ранньої історії міста. У статті аналізуються археологічні матеріали і гіпотези, пов'язані з можливістю існування декількох поселень або городищ на території Чернігова X ст. Розглянуто взаємне розташування міської забудови та міського некрополя.

Ключові слова: археологічні дослідження, Чернігів, X ст.

Yu. M. S y t y i

THE ISSUES OF EARLY CHERNIHIV HISTORY

The materials of research on Detynets of Chernihiv in 1947 generated a number of conjectures in the early city's history field. The article analyzes the archeological materials and hypotheses related to a possible existence of several settlements or hillforts on the territory of Chernihiv in the 10th century. It is considered mutual location of the urban building and the urban cemetery.

Key words: archaeological research, Chernihiv, 10th century.

Одержано 10.05. 2016